

УДК 111.1

Буркин Дмитрий Олегович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры экологического, земельного и трудового
права юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет
kaffilosof@mail.ru

Dmitry O. Burkin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Environmental, Land and Labor Law,
Institute of Law; North Caucasian Federal University
kaffilosof@mail.ru

Специфика легитимации власти в современной России

Specificity of the legitimization of power in modern Russia

***Аннотация.** Термин «легитимация» имеет не только политические референции, но и всё чаще используется в других сферах общественной жизни. В данной статье автором анализируются социально-философские особенности легитимации политической власти в современной России как одобрения и присвоения власти статуса «оптимальной», внушающей надежду, отвечающей национальным архетипам. Им также продемонстрированы особенности российского гражданского участия в политическом процессе и процессах нормативной легитимации власти.*

***Ключевые слова:** легитимация, власть, норма, социальный институт, политическая сфера, политический лидер*

***Annotation.** The term "legitimation" has not only political references, but is increasingly used in other spheres of public life. The authors of the article discuss the socio-philosophical features of the legitimation of political power in modern Russia as an approval and assignment of the status of "optimal" power, inspiring hope, corresponding to national archetypes. With the peculiarities of Russian civil participation in the political and processes of normative legitimation of power.*

***Keywords:** legitimation, power, norm, social institution, political sphere, political leader*

Термин «легитимация» имеет не только политические референции, но и всё чаще используется в других сферах общественной жизни. В легитимации нуждаются не только субъекты, но и социальные институты, причём, особенности этого процесса задаются спецификой и типом культуры, где он развивается в процессе жизнедеятельности [4, с. 52].

В западных демократических обществах взаимодействие власти и общества строится на «общественном договоре», гражданин обязан

проявлять гражданское участие и создавать обратную связь, активно участвовать в обсуждении решений власти. Политическая власть оказывается легитимной только тогда, когда попадает в национальные и цивилизационные архетипы общественного сознания. Россия – не исключение из этого правила. Например, такой архетип, как неформальный институт, как «преемничество», имеющий многовековую историю и почти не прерывавший своего действия на протяжении российской истории, хорошо отвечает образу власти. Поэтому общественное мнение в России хорошо принимает практику избрания политическими лидерами «преемника» и одобряет её, даже если это противоречит формальным процедурам избрания [1, с.146]. Приоритетным в данном случае оказывается решение политического лидера.

Среди наиболее типичных способов легитимации власти в России исследователи, чаще всего, называют экономическую легитимацию через «экономическую стабильность» и через социальный капитал, что выглядит как «кредит доверия» вновь избранному лидеру. С ним связываются личные надежды, он представляется социуму, как способный разрешить существующие в обществе проблемы, в результате чего возникает личностная симпатия к нему, в какой-то мере, идеализация, обладая которой лидер может быстро реализовывать даже самые непопулярные решения без возникновения социальной напряженности [5, с.59].

В России, однако, сочетания персональной и институциональной легитимации власти не решались однозначно в пользу первой. Это - сложный процесс взаимного дополнения институционального и персонального управления, который прервался в начале XX века. С революцией 1917 года был утрачен институт формальной передачи абсолютной власти, и ввиду революционности этой утраты стали возникать институты, замещающие его и обеспечивающие при этом необходимый уровень личностной и электоральной поддержки представителей власти.

В России также часто реализуется нормативная легитимация через религию, то есть, сакрализацию власти. Причины этого кроются в особенностях исторического развития российского общества. Россия не прошла путь Европы, где в период реформаций местная власть светских правителей и князей оказалась обделенной процедурами сакрализации и вынуждена была поддерживать протестантов, чтобы снова обрести механизмы религиозной легитимации.

Однако нельзя сказать, что в России нет правовой легитимации. Напротив, в российской истории она успешно действовала на протяжении нескольких столетий. Обоснование законности передачи абсолютной власти монарха своему наследнику – сама по себе, легитимирующая процедура. И, хотя это не согласуется с принципом демократии, можно сказать, что, наряду с религией, именно закон легитимирует политическую персону, которую может не одобрять общество [3. с.20-25].

Процедуры правовой легитимации власти в России чрезвычайно важны для политической системы, однако, учитывая культурные традиции, утрата

властью неформальной поддержки общества означает, что власть неэффективна. Даже при хорошо налаженной с технической точки зрения формальной организации, такая власть неизбежно сталкивается с неприятием, противодействием, саботажем со стороны части социума своих решений, и тратит больше сил на удержание власти, чем на управление обществом. Только эффективная власть, легитимная как формально, так и неформально, может рассчитывать на понимание при проведении реформ в кризисные периоды.

Еще одной важной проблемой, связанной с процедурой легитимации/делегитимации является короткий горизонт планирования в российском обществе. Начиная с 1990-х годов, российское общество не имеет выраженного идеологического ориентира, отыскивая его, то в конфессиональных, то в традиционалистских лозунгах. За три десятилетия произошёл очередной цикл попытки вестернизации и последовавшего за ним отказа от этого курса. Часть секторов экономики и политики успешно перестроилось по западному образцу, часть – не успела в силу её инерционности. Отказ от вестернизации также ведёт за собой демонтаж, свёртывание уже построенных новых институтов и свёртывание экономических инноваций, что, само по себе, выступает как делегитимирующий фактор.

При этом российское общество всё ещё позиционируется как «транзитивное», хотя неясно, какова именно конечная цель перехода, если такой целью не является западная модель демократии.

Конечно, легитимность власти – не объективный фактор, как и многие другие переменные социально-политических отношений, она зависит от восприятия субъектов политики, от их идентичности, настроения и отношения. Ни один политический режим, включая демократию, ни один институт власти не бывает целиком легитимным в представлении всех субъектов общества. Россия не является исключением из этого правила, даже в условиях современного политического транзита. Очевидно, что в связи с этим, уровень легитимности и ее воздействие на решения социальных субъектов как граждан в существенной степени субъективны.

И, если традиционная монархическая власть, использующая религиозную нормативную систему, ещё могла рассчитывать на более-менее гомогенную оценку своей деятельности и достижение в обществе согласия, то на сегодняшний день это стало невозможным: в стране существуют развитые бизнес-элиты, СМИ, негосударственные общественные организации, конфессиональные и этнические группы, каждая из которых имеет собственное представление о том, как именно должна вести себя власть и какие решения принимать. И это представляет собой определённую проблему как для практических способов легитимации власти, так и для их теоретического описания.

Разумеется, власть, адаптируясь к потребностям общества, выделила в своей структуре различные сектора, каждый из которых ведёт работу с соответствующими организациями и группами влияния. Однако их

координация, сама по себе, бывает непростой задачей, не говоря *уже* о том, что существуют программы общенациональной безопасности, на которые также требуются значительные усилия. Как следствие – разрастаются органы законодательной, исполнительной и судебной власти, они часто теряют между собой связь, дублируют друг друга, и это приводит к раскоординированности и ослаблению центральной власти [6, с.123]. Именно поэтому так важно иметь долгосрочное планирование, программы национального масштаба, ориентируясь на которые, органы государственной власти могут координировать деятельность друг друга и оптимизировать свою работу согласованно.

Анализ долговременных сценариев развития может сам по себе выступать в качестве мощного легитимирующего фактора. С этими же сценариями могут быть связаны и индикаторы эффективности/неэффективности деятельности власти, потому что в условиях утраты идеологии единственной надежной системой оценивания достижений становится финансово-экономическая. И это позитивно для самой экономики и губительно для социальной и культурной сферы, например, науки, которые производят «доверительное» благо и никак не могут исполнять роль доходных сфер. Обрекать их на самоокупаемость означает неизбежно наблюдать за их деградацией.

Однако выстраивать долговременные сценарии развития в России сложно не только по причине недостаточности каких-либо материальных или финансовых ресурсов. Их надо планировать с особой осторожностью, в первую очередь, по причине нехватки социального капитала, под которым можно понимать как доверие внутри групп, так и между ними. Отсутствие доверия между различными социальными группами – это рискогенный фактор для власти и настоящий барьер для проведения любых качественных общественных или экономических реформ [2, с.35-38]. Люди, которые не желают договариваться между собой, как минимум, демонстрируют власти разнонаправленные социальные запросы, не говоря уже о том, что такое общество наполняется противоречиями и излишней социальной напряженностью. Реформирование любой общественной сферы на фоне отсутствия социального капитала – не только бесполезно, но часто и опасно: политические кризисы и даже социальные катастрофы, чаще всего, происходят во время или после таких реформаций, тем более, когда речь идёт о такой стране, как Россия, где именно люди являются лимитирующим экономическим ресурсом, и любые реформы, расходующие лимитирующий ресурс, неизбежно приводят к проблемам демографии и человеческого капитала.

Власть и общество в современном мире связаны между собой множеством невидимых коммуникационных связей. Со стороны власти это выглядит как оправдание собственных действий и верности утверждения о том, что в обществе может существовать только такая власть, и никакая другая. Отношения политической власти и общества, по большей части, начинают строиться на адекватности оценки потребностей общества,

повседневных материальных и долгосрочных духовных интересов россиян. Как только власть начинает рассматривать общество в качестве субъекта политического процесса, возникает возможность диалога между ними. Это не всегда хорошо для власти и не всегда удобно, потому что:

- снижается дистанция власти;
- открываются возможности для широкой обратной связи и критики власти;
- упрощается возможность делегитимации;
- власть секуляризируется и оказывается втянутой в постоянный дискурс о собственных мерах управления.

Таков демократический путь развития общества, он чреват для власти быстрой ротацией, высокой ответственностью, жесткой обратной связью, фактической невозможностью единолично принимать решения. Такая власть бывает коллегиальной, коллективной, выборной.

Несколько иная ситуация, когда народ оказывается в качестве «объекта» власти. Это - тоже приемлемый путь коммуникации, но характерный больше для традиционного и архаического общества, он требует специфической легитимации, как правило, религиозной или мифологической, обеспечивающей сакральные механизмы оправдания и высокую дистанцию власти. В этом случае, власть выстраивает авторитарный режим, и сужает каналы обратной связи.

И совсем уж конфликтной и бесперспективной, с точки зрения легитимации, оказывается ситуация, когда власть настолько дистанцируется от общества, что перестает рассматривать его и не только в качестве субъекта, но и как объект. Это бывает в очень тяжелые, кризисные времена, когда нелегитимная власть воспринимает в качестве партнера или достойного оппонента не все общество, а только его часть. Глубокие противоречия, накопившиеся между остальной частью общества и властью, не позволяют им вступить в коммуникацию, и власть не видит способов это исправить.

Таким образом, описание процессов нормативной легитимации политической власти представляется проблематичным в силу их специфики. Для России она состояла (и сегодня всё ещё состоит) в том, что власть легитимна только в том случае, когда она связана с обществом личными отношениями. Всеобщая связь, права, формальные институты в российском обществе уже в течение длительного времени воспринимаются легитимными не сами по себе и не тогда, когда они имеют неоспоримую формальную законность, а тогда, когда за ними стоит личность легитимного лидера. Системы личных отношений часто заменяют формальные институты, ослабляя последние, а эмоциональное отношение к власти доминирует над рациональным расчетами, будь то позитивное отношение, безусловное принятие лидера или, напротив, негативация, отвержение по принципу личной антипатии.

Такое отношение строится на переносе, экстраполяции собственной картины мира на политический процесс и на действия власти. Это отражает

известную «неосвоенность» форм социальной реальности, в том числе, политической. Такое отношение чревато тем, что те же самые люди, которые горячо и эмоционально поддерживают действия власти, готовы в любой момент сменить одни эмоции на другие, они «обижаются», «надеются» и каким-то личностным образом коммуницируют с властью, за неимением в арсенале других средств взаимодействия с ней. Такая легитимация очень ненадежна и может быстро обернуться поиском мифа или силового решения накопившихся эмоциональных проблем.

Литература

1. Аржаев Е. В. *Имидж политических институтов как фактор легитимации власти в современной России* // *Известия Саратовского университета*. 2008. Т. 8. Сер. Социология. Политология, вып. 1. 201 с.

2. Гасратова Ф.М. *Факторы легитимации власти* // *Вестник университета*. 2014. № 7. С. 35-38.

3. Дроздова А.М. *Некоторые рассуждения о формальной и фактической легитимации власти* // *Юридическая наука*. 2014. № 3. С. 20-25.

4. Скиперских А.В. *Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве. Дисс... канд. полит. наук. – Воронеж, 2008* 282 с.

5. Уфимцев А.В. *особенности легитимации политической власти в современной России. Дисс... канд. полит. наук. М., 2008. 175 с.*

6. Чиркин В.Е. *Государственное и муниципальное управление / В.Е. Чиркин. М, Юрист, 2018. 320 с.*

Literature

1. Arzhaev E. V. *The image of political institutions as a factor of legitimation of power in modern Russia* // *Izvestiya Saratov University*. 2008. Vol. 8. Ser. Sociology. Political Science, issue 1. 201 p.

2. Gasratova F. M. *Factors of legitimization of power* // *Bulletin of the University*. 2014. No. 7. pp. 35-38.

3. Drozdova A.M. *Some arguments about the formal and actual legitimation of power* // *Yuridicheskaya nauka*. 2014. No. 3. pp. 20-25.

4. Skiperskikh A.V. *Mechanisms of legitimation of political power in the post-Soviet space. Diss ... cand. polit. sciences'. - Voronezh, 2008* 282 p.

5. Ufimtsev A.V. *features of legitimation of political power in modern Russia. Diss ... cand. polit. M., 2008. 175 p.*

6. Chirkin V. E. *State and municipal management / V. E. Chirkin. M, Jurist, 2018. 320 p.*